

ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОЛОВУШКИН

УДК 262.4

д. ист. н., доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(набережная р. Мойки, д. 48/20а, Санкт-Петербург, Россия, 191186)
golovushkinda@mail.ru

***РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЛИНИИ:
ПОМЕСТНЫЙ СОБОР 1917–1918 ГГ. КАК ПРЕДИКТОР
РАЗВИТИЯ ОБНОВЛЕНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В
ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД***

Вопрос о роли Поместного собора 1917–1918 гг. в становлении и развитии обновленческого движения в советский период, а следовательно, и в вызревании обновленческого раскола 1920-х гг., в современной гуманитаристике решается по-разному. Ряд исследователей считает, что истоки «смуты» следует искать в «поповской реакции» против реформ, инициированных Поместным собором. Другие напротив, полагают, что Собор снял конфликт между «концептуальной идеей церковного реформаторства» и тем реформаторским курсом, который он проводил. Масштабность события, его противоречивость и незавершенность в той или иной степени, повлияли на пути развития обновленческого движения в советском обществе. Анализ документов Поместного собора 1917–1918 гг., материалов периодической печати и источников личного происхождения, отражающих ход его работы, показал, что на Соборе определились возможные зоны конфликтов (так называемые «разделительные линии»), которые могут служить предиктором обновленческого раскола 1920-х гг.

Ключевые слова: Поместный собор Православной российской церкви, 1917–1918 гг., церковная реформа, русская революция, обновленчество, обновленческий раскол

DMITRIY ALEXANDROVICH GOLOVUSHKIN

Doctor of History, associate professor
Herzen State Pedagogical University of Russia
(naberezhnaya reki Moiki, 48/20a, Saint-Petersburg, Russia, 191186)

golovushkinda@mail.ru

***DIVIDING LINES:
LOCAL COUNCIL OF 1917–1918 AS PREDICTOR
OF RENOVATION MOVEMENT DEVELOPMENT
IN THE POST-REVOLUTIONARY PERIOD***

The role of the Local Council of 1917–1918 in formation and development of renovation movement in the Soviet period, and, consequently, its influence on the renovationist split of 1920s, is a question answered differently in modern humanities. Some researchers believe that the origins of the «distemper» should be sought in the «priestly reaction» against the reforms initiated by the Local Council. Others, on the contrary, concern that the Council removed the conflict between the «conceptual idea of church reformism» and the reformist course that it had pursued. The scale of the event, its inconsistency and incompleteness to one degree or another, influenced the development of the renovation movement in Soviet society. Further exploration of the documents of the Local Council of 1917–1918, as well as materials from periodicals and personal sources, that reflect the course of its work, has shown that the zones possible conflict (the so-called «dividing lines») became vivid during the Council and could serve as a predictor of the renovationist split of 1920s.

Key words: Local Council of the Russian Orthodox Church, 1917–1918, church reform, Russian revolution, renovationism, renovationist schism

Поместный собор Православной российской церкви 1917–1918 гг. стал не просто одним из главных и значимых событий в истории русского православия первой половины XX в., но и своего рода этосом, задавшим ориентиры и «иерархию ценностей» для Русской православной церкви на многие десятилетия вперед. Можно отчасти согласиться с утверждением М. В. Шкаровского, что «весь период существования СССР Русская Православная Церковь боролась за сохранение и возрождение принципа соборности, руководствуясь, насколько это было возможно в тех условиях, определениями Собора 1917–1918 гг.»¹.

Особенно важным и востребованным этот опыт и наследие оказались после распада СССР, когда Русской православной церкви пришлось перестраиваться в соответствии с новыми социально-политическими и культурными условиями, определять свое место в постсоветском обществе и давать свои ответы на запросы современности. Об этом красноречиво свидетельствует доклад, произнесенный митрополитом Тверским и Кашинским Саввой (Михеевым) на пастырской конференции Пятигорской епархии (июнь 2015 г.): «В 2017 году Русская Православная Церковь будет отмечать столетие Собора 1917–1918 гг. Этот Собор стал важной вехой в истории нашей Церкви. Его задачей было далеко не только возродить соборность и восстановить Патриаршество, упраздненное Петром I, но и — в конкретных исторических условиях — организовать жизнь Церкви на новых началах без вмешательства государства, выработать и принять основные законоположения, наметить дальнейшие пути существования Церкви в изменившихся общественно-политических условиях. <...> Соборные постановления 1917–1918 гг. являются для нас не только церковно-историческим памятником, но и руководством к действию»².

¹ Шкаровский М. В. Влияние Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. в советскую эпоху // Яков Кротов. Богочеловеческая история // URL: <http://yakov.works/history/20/1910/1917shkarovsk.htm> (дата обращения: 27.11.2021).

² *Епископ Воскресенский Савва (Михеев)*. Непрерывность соборности: Поместный Собор 1917–1918 гг. в истории и современной жизни Русской Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4114584.html> (дата обращения: 27.10.2021).

Поэтому вполне закономерно, что начиная с 1990-х гг. тема Собора 1917–1918 гг. становится предметом пристальных исследований, как светских, так и церковных ученых — историков, философов, богословов, религиоведов, работающих как в России, так и за ее пределами. На сегодняшний день проработан или находится в разработке обширный спектр вопросов, связанных с его деятельностью и решениями. Это реорганизация / реформа церковного управления³, выработка позиции Собора / церкви по отношению к государственной власти⁴, язык богослужения⁵, реформа церковного суда⁶,

³ См.: Беглов А. Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг. как явление соборной практики Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 379–403; Дестивель И. Поместный собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. М., 2008; Поспеловский Д. На пути к соборности // Континент. 2004. № 121 // URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2004/121/po10-pr.html> (дата обращения: 27.10.2021); Шульц Г. 1914–1918 гг. как поворотный пункт в церковной истории России // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 101–120 и др.

⁴ См.: Бабкин М. А. Поместный собор 1917–1918 гг.: вопрос о совести православной паствы // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 52–61; Беглов А. Л. От соборного определения к Декрету СНК. К вопросу о генезисе церковно-государственных отношений советского периода // Альфа и Омега. 2007. № 1(48). С. 146–170; Белякова Е. В. «Симфония властей» или «свободная церковь в правовом государстве»: русские дискуссии начала XX века // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2013. № 7(23). С. 6–18; Кашеваров А. Н. Разработка на Поместном соборе 1917–1918 гг. Официальной позиции Православной церкви в отношении Советской власти и ее религиозной политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2007. № 2. С. 48–60; Ковырзин К. В. Поместный собор 1917–1918 гг. и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. 2008. № 4. С. 88–97; Кривошеева Н. А. Реакция Поместного Собора 1917–1918 гг. на происходившие в стране события // XXII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Том 1. М., 2012. С. 87–99; Одинцов М. И. Всероссийский Поместный собор 1917–1918 гг.: споры о церковных реформах, основные решения, взаимоотношения с властью // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 121–138 и др.

⁵ См.: Балашов Н. Язык богослужения: Из истории церковной дискуссии в России // Континент. 1998. № 98. С. 247–279; Кравецкий А. Г. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия // Журнал Московской Патриархии. 1994. № 2. С. 68–87; Кравецкий А. Г. Церковная миссия в эпоху перемен. Между проповедью и диалогом / Научн. ред. Н. Балашов. М., 2012 и др.

⁶ См.: Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни.

старообрядческий вопрос⁷ и др.⁸ Многолетние исследования по этим направлениям показали, что Собор 1917–1918 гг. — это не просто «беспрецедентное событие», но прежде всего комплекс сложнейших проблем, требующих углубленной историко-богословской работы и возобновляемой научной и богословской рефлексии. Это осознание попыталась выразить в одной из своих последних статей московский историк Н. А. Белякова, обобщившая имеющийся опыт изучения Поместного Собора Российской православной церкви 1917–1918 гг.⁹ и наметившая основные тенденции и объединяющие линии в осмыслении столь значимого и сложного явления российской церковной истории XX в.

А) Собор был составной частью революционного процесса в российском обществе. Подготовка Собора, его созыв, характер, решения, противоречия, выявившиеся во время работы, незавершенность — все это было обусловлено ходом развития русской революции.

«Поместный Собор Российской православной церкви (август 1917 г. — сентябрь 1918 г.) и русская революция 1917–1918 гг. обозначили переход к новой эпохе в русской, а может быть, даже в европейской церковной истории. ... Быстрый

Круглый стол по религиозному образованию и диаконии. М., 2004.

⁷ См.: Белякова Е. В. Старообрядческий вопрос на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // Старообрядчество в России (XVII–XX века). Вып. 4. М., 2010. С. 145–158 и др.

⁸ См.: Воронцова И. В. Движение за церковную реформу в России начала XX в. и Поместный Собор 1917–1918 гг. (К столетию Поместного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 4. С. 105–120; Кривошеева Н. А. Поместный Собор 1917–1918 гг. глазами участников // Материалы Международной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрание Патриарха Тихона». М., 2008. С. 170–177; Кривошеева Н. А. Отношение Священного Собора 1917–1918 гг. к внутрицерковным нестроениям // XXI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Том 1. М., 2011. С. 279–283; Щелкачев А. Поместный Собор 1917–1918 гг. и единство церкви // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2011. Т. 1. С. 276–278 и др.

⁹ См.: Белякова Н. Поместный Собор Российской православной церкви 1917–1918 гг.: опыт изучения в России и за рубежом // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 379–403.

и энергичный созыв Собора оказались возможными лишь благодаря многолетним дискуссиям о реформах и предсоборных — или, как мне кажется, — уже соборных действий и собраний»¹⁰ (Г. Шульц).

«Чтобы не говорили, но церковь во все времена имела то или иное значение не только в смысле чисто религиозном, но и общественном. Уже по одному этому мне нужно коснуться в своих записках Церковных Соборов. ... Тем более это интересно, что данные Соборы были связаны с революцией, как в смысле их происхождения, так и по отражению в них революционной эпохи»¹¹ (Митрополит Вениамин (Федченков)).

«Революция, позволившая Церкви созвать Собор, в конце концов, его же и уничтожила. Но если революция по ходу своего развития все более и более «левела», пока власть не захватили представители крайне левых — большевики, то Церковь развивалась в 1917 г. в обратном направлении — чем дальше от Февраля, тем более «правыми» становились ее пастыри, тем громче звучали голоса “консерваторов”»¹² (С. Л. Фирсов).

Б) Собор проходил в беспрецедентных стремительно меняющихся исторических условиях, которые не всегда вовремя удавалось отрефлексировать и адекватно оценить членам (участникам) Собора. Повестка / позиция Собора и динамика развития событий в стране все чаще (особенно после прихода к власти большевиков) вступали в диссонанс, который вынуждал Собор ориентироваться на политику и действовать ситуативно.

О противоречивости и изменчивости исторического контекста атмосферы тех месяцев говорят следующие слова участников Собора — А. В. Карташева и профессора Московской духовной академии Н. Д. Кузнецова.

¹⁰ Шульц Г. 1914–1918 гг. как поворотный пункт в церковной истории России // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 101–103.

¹¹ Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 276.

¹² Фирсов С. Л. На изломе. Русская революция и Великий Московский Собор 1917–1918 гг. // Звезда. 1917. № 4 // URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2977> (дата обращения: 27.10.2021).

ВЫПУСК X

В грозной и тревожной обстановке открывался Собор. В душе его участников мучительно сталкивались два диссонирующих переживания: чисто религиозное ликование от сознания участия в великом, издавна чаемом, вожделенном таинстве церковного соборования, наслаждение церковной канонической свободой и — с другой стороны — наблюдение явного растления патриотической воли народа, разложение армии, предчувствие поражений, унижения России и революционных ужасов. ... Особенно перебивалась работа Собора волнениями политическими (А. В. Карташев)¹³.

Не следует забывать, что в настоящее время Россия находится в состоянии полной анархии и все еще только кричат о необходимости создания твердой государственной власти, и пока совершенно не известно в какие формы выльется будущий государственный строй. <...> Но никто сейчас не поручится, что в России будет непременно правовое, а например, не социалистическое государство. Поэтому в основание законопроекта об отношении Церкви и еще не определившегося государства едва ли полезно полагать какое-либо начало или теорию, имеющую виду уже окончательно установившегося государства (Н. Д. Кузнецов)¹⁴.

В) Масштабность Собора, его потенциал, успех или неуспех, невозможно оценивать лишь по одним определениям / постановлениям Собора. Поскольку Собор не завершил свою работу, и его решения серьезно корректировались политическими событиями в стране, необходимо тщательное изучение подготовительного периода к Собору и рабочих материалов самого Собора.

Как отмечает Н. А. Белякова,

систематическое изучение деятельности Собора по отдельным направлениям было осуществлено благодаря инициативе протоиерея Николая Балашова, который во взаимодействии с фондом «Христианская Россия» разработал соответствующую

¹³ Карташев А. В. Революция и Собор 1917–1918 гг. (наброски для истории Русской Церкви наших дней) // Альфа и Омега. 1995. № 3(6) // URL: <http://www.pravmir.ru/revolyuciya-i-sobor-1917-18-gg/> (дата обращения: 27.10.2021).

¹⁴ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Т. 1–6. Репр. воспр. изд. 1918 г. М., 1994–1996. Т. 4. С. 63. (далее — Деяния...).

щий научно-издательский проект. Основываясь на многолетних исследованиях предсоборной периодики, Н. Балашов выдвинул тезис, согласно которому для понимания решений Собора необходимо обратить внимание на предсоборные дискуссии, а также на дискуссии в рамках различных Отделов Собора. <...> Такой историко-генетический подход позволил понять контекст принятия соборных решений, авторизовал принятые Собором документы, показал путь достижения консенсуса. <...> В 2011 г. с инициативой издать все материалы, касающиеся деятельности Поместного собора 1917–1918 гг., выступил наместник московского Новоспасского монастыря епископ Воскресенский Савва. <...> Был организован научно-редакционный совет, в состав которого вошли ведущие исследователи Собора и руководители государственных архивов, в которых находятся материалы Собора... Задачей коллектива ответственных редакторов стала подготовка 34 томов¹⁵ материалов и документов Собора¹⁶.

Однако в данном случае важно понимать, что одно дело — предсоборная работа, внутрисоборные дискуссии и совсем другое дело — официальные соборные документы. Очевидно, что в оценках столь сложного явления необходимо соблюде-

¹⁵ См.: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 1. Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. Кн. 1–2. М., 2012; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 2. Протоколы Соборного Совета. М., 2013; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 3. Протоколы Священного Собора / Под ред. свящ. Алексея Колчерина и А. И. Мраморнова. М., 2014; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 4. Документы Совещания епископов и Судной комиссии Собора / Под ред. А. И. Мраморнова и Р. Ю. Просветова. М., 2015; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 5. Деяния Собора с 1-го по 36-е / Отв. ред. свящ. Алексей Колчерин, А. И. Мраморнов. М., 2015; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 6. Деяния Собора с 37-го по 65-е. М., 2016 и др. См. также: Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Официальный портал проекта Новоспасского ставропигиального мужского монастыря по изданию документов Собора, осуществляемого по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси // URL: <http://sobor1917.ru/published/> (дата обращения: 27.10.2021).

¹⁶ *Белякова Н.* Поместный Собор Российской православной церкви 1917–1918 гг.: опыт изучения в России и за рубежом // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 388–391.

ние некого баланса между замыслом и результатом. В противном случае Собор начинает затмевать собой все движение за реформы в церкви, что уже находит выражение в его представлении как некоей кульминации дореволюционного периода русского православного реформаторства.

Г) Имеющиеся / вводимые в научный оборот документы Поместного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. актуализируют вопрос рецепции соборных решений церковным сообществом.

О сложности данной проблемы (в том числе в связи с организацией и развитием в 1920-е гг. обновленческого раскола) свидетельствуют выводы, сформулированные Г. В. Флоровским, Г. Л. Фризом, С. Л. Фирсовым и Г. Шульцом.

По мнению автора «Путей русского богословия», Собор закономерно нес на себе печать синодального периода / синодального устройства, поднимал проблемы, которые не могли быть распутаны единовременно, и их неразрешенность при одновременной актуализации в меняющихся исторических условиях формировала почву для будущих внутрицерковных разногласий и церковного раскола¹⁷.

Научный руководитель крупнейшего зарубежного проекта, посвященного Поместному собору Православной российской церкви 1917–1918 гг. «Большевистская диктатура и Поместный Собор 1917–1918 гг.» Г. Шульц считает, что решения Собора оказали большое влияние на жизнь церкви в большевистской России, способствовали активизации мирян и подъему приходской жизни. По мнению исследователя, разработка и принятие 20 апреля 1918 г. «Определения о православном приходе» или «Приходского устава», закрепившего автономность и самостоятельность прихода, «придало приходам такое оживление, что оживленный приход смог пережить годы Советов»¹⁸.

¹⁷ См.: Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Минск, 2006. С. 489.

¹⁸ «Восстановления патриаршества стало знаком глубокого церковного возрождения». Авторская программа Александра Мраморнова, научного руководителя издания материалов Собора 1917–1918 гг. «Великий Собор». Гость: профессор Гюнтер Шульц, крупнейший зарубежный исследователь истории и документов Поместного Собора 1917–1918 гг. Эфир 11 октября 2017 г., 10:30 // Град Петров. Радио Санкт-Петербургской митрополии //

Грегори Л. Фриз, профессор истории Брандейского университета (США), напротив, полагает, что прихожане, «как правило, были плохо информированы о чисто канонических и литургических вопросах» и своей жизнеспособностью приход был, прежде всего, обязан Декрету СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Согласно этому документу, советская власть не только лишала Русскую православную церковь ее статуса «первенствующего исповедания», но и статуса юридического лица. В результате теперь только «местная церковь», только миряне («двадцатка») могли действовать и представлять и приходскую общину верующих: «Режим дезорганизовал институт Церкви и подверг духовенство (особенно епископов) суровым преследованиям, и власть в Церкви перешла к мирянам, которые стали ее настоящими хозяевами. В конечном счете, такая антирелигиозная политика оказалась контрпродуктивной: она удовлетворила долгожданные требования прихожан, ослабила контроль духовенства над религиозными практиками мирян, дала зеленый свет народной власти в приходе — основной ячейке Церкви»¹⁹.

Наконец, С. Л. Фирсов, с характерной для него пронизательностью и тонкой остротой, подчеркивает, что рецепция Собора 1917–1918 гг. не в последнюю очередь зависит от конъюнктуры и веяний эпохи:

Пройдут десятилетия, и штатные советские историки будут писать о том, как Церковь через «конфронтацию» болезненно выходила на путь «диалога» с Советским государством. Хорошо усвоив навязанные этим государством «правила игры», церковные руководители начали говорить о том, что для Церкви «величайшим благом» было лишение ее функции «господствующей»... Даже в последние годы существования Советского государства, в эпоху перестройки, в официозных «Очерках истории» Русской Православной Церкви, пытаюсь объяснить

URL: <http://www.grad-petrov.ru/broadcast/vosstanovlenie-patriarshestvostalo-znakom-glubokogo-tserkovnogo-vozhrozhdeniya/> (дата обращения: 27.10.2021).

¹⁹ Фриз Г. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 88, 94.

причины неприятия Собором 1917–1918 гг. большевистской политики, патриархийные авторы обвиняли в этом его членов-мирян, якобы «принадлежавших к элитарным кругам дореволюционной России»... Но времена меняются. Пройдет всего несколько лет, и в новой книге, посвященной церковной истории XX века, православный автор уже совершенно иначе будет оценивать роль и значение Собора 1917–1918 гг., подчеркивая, что «в новых исторических условиях Собор оставался верен догматическому и нравственному учению Спасителя», что его «определения стали твердой опорой и духовным ориентиром для Русской Церкви в решении крайне сложных проблем на ее многотрудном пути». Революция, понятно, в изменившихся политических условиях оценивалась уже сугубо отрицательно²⁰.

Таким образом, ведущие исследователи Поместного собора Православной российской церкви 1917–1918 гг., прежде всего, призывают к взвешенным оценкам его работы и результатов, признавая, что, несмотря на свою масштабность и историческое значение, тот не был лишен недостатков и так называемых линий напряжения. Как отметил в одном из своих последних интервью М. И. Одинцов,

Собор — это дитя своей эпохи... Да, для Церкви, безусловно, это важный этап ее истории. Тем более что она вышла из тяжелых времен диктата и господства — цепей, как писали литераторы, ввевшихся в плоть и кровь. Поэтому для нее окончание синодального периода и переход к самоуправлению, к действительной свободе очень важен. Безусловно, те люди, которые стояли во главе этого соборного движения, те, кто заводил пружины этого Собора, те, кто ратовал за восстановление патриаршества, — для Церкви являются выдающимися историческими и общественными деятелями. Это признается и светской наукой. Но Гражданская война, политические неурядицы, разруха, возникающие то тут, то там, правительства, борьба красных, белых, зеленых, непонятно кого... Говорить о какой-то самостоятельности, свободе не приходится. ...Реализовать то, о чем спорили и к чему стремились на Соборе, было невозможно²¹.

²⁰ Фирсов С. Л. На изломе. Русская революция и Великий Московский Собор 1917–1918 гг. // Звезда. 1917. № 4 // URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2977> (дата обращения: 27.10.2021).

²¹ Цит. по: Скрыльников П. Церковная свобода 100 лет спустя. Нуж-

24 августа 2017 г. Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл (Гундяев) обратился с посланием по случаю 100-летия Поместного Собора 1917–1918 гг., в котором также призвал к вдумчивости и необходимости дальнейшего всестороннего изучения проблемы: «В текущем году исполняется 100 лет с начала работы Поместного Собора 1917–1918 гг., ставшего важнейшей вехой в истории Русского Православия. Несмотря на прошедший век, отделяющий нас от событий той эпохи, значение Поместного Собора 1917–1918 гг. не до конца осмыслено и оценено церковным народом. Глубоко убежден в том, что его наследие нуждается в серьезном и вдумчивом исследовании, а многие из идей, высказанных тогда, были бы полезны и востребованы сегодня»²².

В заключение этого анализа хотелось бы привести слова научного руководителя Центра истории богословия и богословского образования богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) Н. Ю. Суховой, сказанные на «Покровских чтениях в Брюсселе» (1–4 ноября 2017 г.): «Главная беда — вклад»²³. Памятуя об этом, попытаемся выяснить, какие все же «разделительные линии» сформировал, а также выявил Поместный собор 1917–1918 гг., которые впоследствии могли стать причиной, послужить контекстом или обоснованием обновленческого раскола 1920-х гг. и обновленчества советского периода?

Д) Синергия или раскол Собора?

Образ Поместного собора 1917–1918 гг. нередко формируется и передается исследователями через ставшие уже хрестоматийными слова митрополита Евлогия (Георгиевского),

но ли решения Поместного собора 1917–1918 годов воплощать в наше время // Независимая газета. 06.09.2017 // URL: http://www.ng.ru/facts/2017-09-06/14_427_hundred.html (дата обращения: 27.10.2021).

²² Патриаршее послание архипастырям, пастырям, диаконам, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви по случаю отмечаемого 100-летия Поместного Собора 1917–1918 гг. // Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4991606.html> (дата обращения: 27.10.2021).

²³ Стенограмма доклада Н. Ю. Суховой «Профессора и выпускники духовных академий в Соборе святых отцов Поместного Собора 1917–1918 г.» Д. А. Головушкина. Брюссель (11.02.2017).

который в своих воспоминаниях «Путь моей жизни» писал: «В эти ужасные, кровавые дни в Соборе произошла большая перемена. Мелкие человеческие страсти стихли, враждебные пререкания смолкли, отчужденность сгладилась. В сознание Собора стал входить образ Патриарха, печальника, заступника и водителя Русской Церкви. На будущего избранника стали смотреть с надеждой. Настроение поднялось. Собор, поначалу напоминавший парламент, начал преображаться в подлинный Церковный Собор: в органическое церковное целое»²⁴.

Безусловно, внутривластные события в стране, а также внешняя угроза способствовали сближению ранее оппозиционных «соборных группировок»²⁵. Однако означает ли это, что разногласия, имевшие место на Соборе, были преодолены в «действительности», а не перешли в латентную форму, «благодаря» орудийным выстрелам по Московскому кремлю. Ведь 12 лет подготовительных работ и размышлений о Соборе со всей очевидностью показали, что в Русской церкви существует различное понимание характера и глубины ее реформирования. И весь комплекс проблем, связанных с этим непростым делом, мог быть либо решенным, либо решенным частично, нерешенным или решенным вопреки этому. Последний сценарий, разрушающий надежды, при определенных обстоятельствах имел все шансы перевести внутрицерковное строительство уже в область церковной политики, к которой обновленческое крыло было внутренне готово.

²⁴ Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994. С. 278. Некоторые современные исследователи, в частности И. В. Воронцова, считают, что сама реформаторская деятельность Поместного собора 1917–1918 гг. сняла конфликт между «концептуальной идеей церковного реформаторства» и церковной реформой. См.: Воронцова И.В. Движение за церковную реформу в России начала XX в. и Поместный Собор 191–1918 гг. (К столетию Поместного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 4 // URL: http://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=23223 (дата обращения: 27.10.2021).

²⁵ На Поместном соборе 1917–1918 гг. практически сразу же выделилась так называемая «прогрессивная» «Группа церковного возрождения». В оппозиции к ней находилась «Группа ревнителей церковного обновления на канонических началах», координационным центром которой стала газета «Московские ведомости».

Вероятно, всю драматичность данной ситуации и возможность серьезных осложнений на Соборе понимал министр вероисповеданий Временного правительства А. В. Карташев. Обращаясь к опыту и результатам предсоборной работы, он заключал: «Когда разразилась революция 1917 года и поставила на очередь дня созыв Собора, русская Церковь и принципиально, и технически знала, что и как ей нужно делать на этом Соборе. Неясен был лишь конечный результат: какое из двух борющихся течений — консервативное или либеральное — одержит верх?»²⁶. Обновленцы были убеждены в победе на нем либеральных сил, призывая «консерваторов» смириться со своим поражением во имя «соборности»²⁷. В противоположном лагере, в свою очередь, считали, что необходимо дать самый жесткий отпор любым посягательствам на власть епископата.

Как следствие, атмосфера, сложившаяся на Соборе, была весьма далека от того «соборного идеала», который обычно рисуют постсоветские церковные историки. «Всероссийский церковно-общественный вестник», еще будучи органом Петроградской Духовной Академии, характеризовал ее следующим образом: «В кулуарах ведется агитация против прогрессивного объединения и, в частности, против профессуры. Агитирующие обвиняют представителей науки в недостатке религиозности и присваивают им разрушительные тенденции. Один из них договорился до того, будто профессора разрушают церковь, “работая” за немецкие деньги. Такими выпадами они хотят повлиять на полусознательную массу Собора, особенно крестьянских делегатов. За последними усиленно ухаживают крайние реакционеры, уповая с помощью “простецких” голосов добить интеллигентскую оппозицию. Здесь выставляются в программах лозунги “каноничности”, “прав иерархии” в определенном их понимании»²⁸.

²⁶ Карташев А. В. Революция и Собор 1917–1918 гг. (наброски для истории Русской Церкви наших дней) // Альфа и Омега. 1995. № 3(6) // URL: <http://www.pravmir.ru/revolyuciya-i-sobor-1917-18-gg/> (дата обращения: 27.10.2021).

²⁷ Перед собором // ВЦОВ. 1917. № 49. С. 1.

²⁸ Угроза собору // ВЦОВ. 1917. № 49. С. 2.

Митрополит Вениамин (Федченков) также подтверждает, что на Соборе были два враждебных друг другу течения, которые различались «по старому политическому признаку — либерализму»²⁹.

О каком же единстве Собора может идти речь?! Очевидно, что и тот, и другой лагерь относились друг к другу с подозрением и нескрываемым раздражением. Соответственно это раздражение возникало и накапливалось в самой обновленческой среде, о чем свидетельствуют заявления обновленческих лидеров в отношении Собора, сделанные в 1917–1918 гг.:

Прошло десять лет. Переменился дух времени, русское общество сделалось значительно сознательным, более способным разбираться в государственных и социальных вопросах. Вместе с ним и наша иерархия начала постепенно идти за обществом, присматриваться за собой и понимать, что ее внутреннее оправдание в удовлетворении нужд мирян, а не только в голословном подчеркивании своего примата и права судьи. Однако нужно сказать, что в значительной части она осталась прежней, с крайним подозрением относящейся ко всем попыткам проявления активности со стороны мирского элемента. И это блестяще доказано событиями последних месяцев, когда инициаторов так называемой демократизации церковного общества встретили теми же упреками в революционности и отсутствии ревности о церковном благе. С энергией достойной лучшего применения истощены были, кажется, все аргументы за благополучие порядков. С гневом и озлоблением накинута опять на профессоров духовных академий, видя с их стороны полную поддержку этого обновления церковного быта, с проклятиями адресовались к своей школе, грозились даже отлучением тому, кто сумел отстранить мешавшие элементы и дать возможность осуществить искреннее желание истинных чад церкви созвать Собор. ...Эти люди, не имеющие личного религиозного опыта, рассматривают религиозное делание лишь как субъективное средство, не отдающие себе отчета в том, что творят. Ясно, они ведут к расколу³⁰. (Б. В. Титлинов)

²⁹ Вениамин (Федченков), *митрополит*. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 283.

³⁰ Титлинов Б. Враги церковного мира и обновления // ВЦОВ. 1917. № 123. С. 1–2.

Со своей стороны в качестве реакции на «революционное движение» в церкви 87 соборных членов в марте 1918 г. (108-е заседание) подписали прошение об осуждении так называемого «церковного большевизма», под которым в те дни понималось неподчинение высшей церковной власти вообще³¹. После долгих прений относительно формулировки постановления в отношении «непокоряющихся и противящихся церковной власти и обращающихся в делах церковных к враждебному Церкви гражданскому начальству» Собор 6 (19) апреля 1918 г. издал определение «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни». Оно подразумевало комплекс жестких мер, вплоть до лишения кафедры, извержения из сана и отлучения от церкви³².

Поэтому вопрос, заданный А. В. Карташевым: кто одержит верх на Соборе, консерваторы или либералы, безусловно, во многом (если не целиком и полностью), был вопросом церковной политики, вопросом о внутрицерковной власти. И от того, как он разрешится, зависели характер и глубина внутрицерковного реформирования, а также социально-политические стратегии церкви. Он бы показал, есть ли у русской церкви необходимый потенциал, чтобы в условиях трансформационного разлома стать независимым политическим и социокультурным фактором, или ей в любом случае суждено возвращаться «на свои исторические колени».

Е) Соборность, коллегиальность или патриаршество?

Тема церковного управления, будучи одной из главных тем на Поместном соборе 1917–1918 гг., теснейшим образом была связана с двумя «извечными» для Русской церкви чаяниями — теократия и соборность. Поэтому вполне закономерно, что февральские события и отречение Николая II от престола, как и в период Смуты XVII в., когда медиатор ослаб и больше не мог выполнять свои функции, возродили теократические притязания русского православия, одновременно задавая им «новый», «революционный» смысл.

³¹ См.: Деяния... Т. 1. С. 111–124.

³² См.: Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви. Вып. 1–4. М., 1994. С. 58–60.

Традиционно, начиная с деятельности «Кружка ревнителей благочестия» и патриарха Никона, в русской богословской мысли теократия рассматривалась двояко, порождая и двоякое представление о церковном управлении. С одной стороны, еще до появления хомяковского учения о соборности, церковь мыслилась как «внутреннее соединение всего духовенства и мирян под благословением Христа», которое требует от каждого члена церкви добровольной ответственности, послушания и даже жертв в пользу общего блага — царства Божия. С другой стороны, она виделась, как иерархически организованный институт, в котором всё и все подчинены воле его предстоятеля — Патриарха. Именно эти две модели в их общих чертах и встретились на Поместном соборе 1917–1918 гг. В условиях социальной революции они коррелировались, трансформировались и взаимодействовали, породив ситуацию и формы церковного устройства, ранее неизвестные русской церковной истории.

Левая партия понимала под подлинной церковной соборностью принцип коллективной организации церковной власти, а также активное участие клира и мирян во всех областях церковной жизни. Поэтому не случайно целый ряд современных исследователей считают, что этот идеал уже нашел свое выражение в широком представительстве белого духовенства и мирян на Соборе — 163 и 299 человек из 564 делегатов, а также в смешанном составе организованного 7 декабря 1917 г. Высшего церковного совета. Однако, как справедливо отмечает С. Л. Фирсов, Собор скорее «представлял зримое выражение принципа “соборности”»³³, за которым шла борьба «враждебных течений и настроений»³⁴.

Во-первых, расширенный состав Собора — его «демократичность», в первую очередь были результатом влияния «духа революционного времени»³⁵, а не развития церковного

³³ Фирсов С. Л. На изломе. Русская революция и Великий Московский Собор 1917–1918 гг. // Звезда. 1917. № 4 // URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2977> (дата обращения: 27.10.2021).

³⁴ Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной... // URL: http://krotov.info/acts/20/1910_16/eulo_16.html (дата обращения: 27.10.2021).

³⁵ Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох... С. 278.

сознания и культуры. Как отмечает один из наиболее жестких критиков Поместного собора 1917–1918 гг., протоиерей Николай Афанасьев, на Соборе возобладал не богословский идеал, а торжество юридизма (подмена «даров и функций»), ведущее к обмирщению церкви:

Сам по себе факт призыва мирян к управлению не может снять вопроса, на каком основании миряне управляют церковью. Каким образом в церкви обычные выборы представителей от мирян могут их облечь служением управления и преподать им благодать для этого служения? Если выбранные представители мирян не имеют даров управления, то каким образом они могут управлять церковью? Поразительно то, что этот вопрос вообще не ставится. Не есть ли это возмездие права, господствующего в современном церковном устройстве? Есть ли при этой схеме управления место для благодати в Церкви? Конечно, Московский собор не отрицал благодатных даров управления у епископов, но, поставив с ним рядом мирян, которые по общему сознанию являются непосвященными, он тем самым признал до известной степени ненужным для управления церковью благодатные дары. Во всяком случае, управление в церкви становится лаицизированным в дурном смысле слова. Это тот тупик, в который право завело церковное сознание³⁶.

В соответствии с этим принципом и сам Собор в умах некоторых соборян мыслился как «Учредительное собрание в церкви», которое должно передать власть избранному Синоду, как постоянному соборному, коллегиальному, органу, выражающему интересы «представителей отдельных групп»³⁷.

Во-вторых, несмотря на широкое представительство белого духовенства и мирян, Устав Поместного собора 1917–1918 гг.

³⁶ Афанасьев Н. Служение мирян в церкви. Париж, 1955. С. 54. «В глазах отца Николая Афанасьева, Собор 1917–1918 годов, желая упразднить расхождение, отделяющее мирян от епископата, на самом деле привел к обратному результату и стал плодом этого разделения. Право настолько проникло в церковные недра, что Собор вынужден был действовать в своих реформах теми же самыми методами, которые использовались ранее. Таким образом, он невольно стал продолжателем эпохи, которой хотел положить конец» (Дестивель И. Поместный собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности... С. 262).

³⁷ См.: Деяния... Т. 2. С. 358.

предоставлял архиереям, образовавшим особое совещание, право вето на решения пленарного заседания³⁸. Этот механизм был далек от экклесиологического совершенства — соборное постановление получало силу только в том случае, если оно в течение трех дней не было опротестовано совещанием епископов³⁹. Как следствие, миряне и белое духовенство имели все основания считать, что Собор может оказаться не голосом всей церкви, а только голосом епископата. «Надо иметь в виду обстоятельства нашего прошлого, — указывал на эту опасность Б. В. Титлинов. — Ведь наш епископат в большинстве своем и сейчас старого происхождения, что лишает его права считать себя представителем местных церквей. Выборных епископов пока ничтожное меньшинство. Старый епископат сохранил, конечно, и старые традиции церковного управления, вкус к ним и привычку. Новые начала, выдвинутые церковно-общественным движением, не по душе многим иерархам. Какая же гарантия, что, руководствуясь такими настроениями, епископский состав Собора не станет тормозить церковные преобразования. Собор примет, скажем, проект нового высшего церковного управления, нового управления епархиального и т. д., а архиереи наложат veto? Получится тупик, совершенно ненормальный»⁴⁰.

Обращает на себя внимание и еще одно важное обстоятельство, которое в свое время выделил московский исследователь А. Л. Беглов — это сословная замкнутость белого духовенства, которая не в последнюю очередь задавала ход работы Собора⁴¹.

³⁸ См.: Деяния... Т. 1. С. 42–43.

³⁹ Существует и иная точка зрения, согласно которой Совещание епископов «являлось своего рода догматическим и каноническим фильтром, призванным проверять каждое основополагающее постановление собора на предмет «соответствия его Слову Божию, догматам, канонам и преданию Церкви». Но именно через это совещание в устройстве чрезвычайного собора реализовывался иерархический принцип церковного бытия. Так был соблюден баланс между соборностью и иерархичностью в устройстве самого Всероссийского собора 1917–1918 гг.». (Беглов А. Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг. как явление соборной практики Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 60–61).

⁴⁰ Титлинов Б. К вопросу о значении Собора // ВЦОВ. 1917. № 82. С. 1.

⁴¹ См.: Беглов А. Л. Сословность православного приходского духовенства в России в начале XX века: региональные особенности // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2013. Т. 4. Вып. 5(21) //

В данном случае для уравнивания корпоративных интересов в инструментальном значении и оказалось необходимым мирянок большинство, борьба за голоса которого определила характер Собора. Придерживаясь точки зрения историка Е. В. Беляковой, считающей, что Всероссийский собор должен был превратить «церковную революцию» в «каноническую реставрацию», автор приходит к выводу, что «он справился с этой миссией, и не последнюю роль в этом сыграл состав собора, наличие в его составе значительного числа мирян. Миряне, занявшие достаточно консервативные позиции, оказались своего рода “третьей силой” — между епископатом и монашествовыми, с одной стороны, и белым духовенством — с другой»⁴².

Тема восстановления патриаршества является не менее, а может быть, еще более сложной и полемичной. Поэтому, несмотря на пристальный интерес ученых к этому вопросу, необходимо обратить внимание на ряд важных аспектов данной проблемы.

Противники патриаршества, образовавшие на Соборе группу тридцати двух (члены Отдела о высшем церковном управлении), хотя и критиковали данный институт, не были едины и последовательны в своей оппозиции.

Наиболее непримиримо настроенная часть группы тридцати двух в лице профессоров П. П. Кудрявцева, Б. В. Титлинова и Н. Г. Попова считала, что институт патриаршества не совместим с началами соборности:

Факты истории говорят нам, что патриаршество далеко не всегда сияло благочестием и решительным дерзновением протеста против нестроений в церковно-общественной жизни. Поэтому если бы у нас было восстановлено патриаршество в том виде, в каком наблюдаем его на Востоке, то оно было бы ненужною фольгой и мишурой, наростом на живом теле соборной Церкви. <...> История патриаршества в общем совсем не дает нам твердых оснований для надежды на наше исправление и обнов-

URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000561-6-1> (дата обращения: 27.10.2021).

⁴² Беглов А. Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг. как явление соборной практики Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 59.

ление именно через восстановление этого института в Русской Церкви⁴³ (Н. Г. Попов).

История показывает, что в области управления церковного так же, как и гражданского, единоличное начало имеет тенденцию к оттеснению и даже к поглощению начала коллективного, соборного. Только тогда, когда равновесие между двумя началами обеспечено точными определениями закона, можно надеяться, что оно не будет слишком колебаться ни в ту, ни в другую сторону. К сожалению, та обстановка, в какой у нас зреет мысль о патриаршестве, не дает оснований для такой надежды. Вспомните, с каким пафосом говорят у нас про патриаршество, а когда речь заходит о соборности, пафос остывает...⁴⁴ (П. П. Кудрявцев).

Моя православная совесть обязывает меня поведать Священному Собору те мысли, которые побуждают меня возражать против восстановления патриаршества в Русской Церкви. <...> Опасаюсь, как бы установление патриаршества не заставило некоторые слабые души пойти дальше по наклонной плоскости и впасть в бездну папизма⁴⁵ (А. П. Рождественский).

Отдельного внимания заслуживает аргументация профессора Б. В. Титлинова, видевшего опасность и угрозу возможных церковных разделений в политической природе «нового» института патриаршества:

Я укажу на главное из них — опасность церковного разделения... Раз на патриаршество существует столько различных взглядов, раз патриаршество вызывает такие страстные прения и возражения против себя и еще более страстную защиту, значит, в нем есть момент, психологически разъединяющий, и он опасен, как семя раздора. К этой опасности сводится и мотив политический. Мы видим, как этот мотив стараются выставить как инсинуацию против сторонников патриаршества. <...> Политический элемент для нас важен, потому что он грозит быть яблоком раздора, а не потому, что политическая окраска кажется неприемлемой. Не только на Соборе, но и в обществе идея патриаршества сеет

⁴³ Деяния... Т. 2. С. 377.

⁴⁴ Деяния... С. 417–418.

⁴⁵ Деяния... С. 428–429.

семя раздора. ... Значит, ясно, что семя раздора есть и там вне Собора, значит, опасность разделения реальна, и с нею надо считаться⁴⁶.

Другая часть группы тридцати двух признавала возможность «учреждения в Русской Церкви института первого епископа, устанавливаемого 34-м Апостольским правилом», но категорически возражала против русской традиции патриаршества, как оно сложилось на практике в XVII в., особенно при патриархе Никоне.

Таковых сторонников патриаршества условно можно также разделить на две группы.

Первая группа — защитники так называемого «соборного патриаршества», развивающие идею, что патриарх — это необходимая «надстройка над соборностью»:

Нам нужна сильная духовная власть — единоличная, в сочетании с Собором из всех членов Церкви — епископов, клира и мирян. ...Нужно оградить патриаршество от злоупотреблений, принять предупредительные меры. Для этого надо сочетать с патриаршеством начало соборности. Собор будет ограничивать патриарха и оградит его от злоупотреблений⁴⁷. (П. И. Астров).

Соборное начало было на Востоке вполне живым и действенным, и органически и естественно объединялось патриаршей властью. При этом наблюдалось равновесие между патриаршеством и соборностью, которая и процветала при содействии патриархов. <...> Утверждаем, что ни право, ни история православного Востока не дают никакого научного оправдания для гипотезы о восточном папизме⁴⁸ (И. И. Соколов).

Вторая группа — это выступающие за «Печальника», «Молитвенника», «Подвижника», «подчиненного только Христу вождя»:

Церковь Христова, в православном ее понимании, не бездеятельная и не оборонческая, но воинствующая,

⁴⁶ Деяния... С. 357.

⁴⁷ Деяния... Т. 2. С. 341–342.

⁴⁸ Деяния... С. 386–387.

наступательная...И, как всякому великому воинству, необходим единый верховный вождь⁴⁹ (А.В. Васильев).

С патриархом оно (правительство. — *Д. Г.*) должно будет считаться, ибо в его руках будут очень действительные способы воздействия на правительство. Он — центр церковной Соборной жизни. Он тотчас разошлет во все концы телеграммы, и в ту же минуту по знаку патриарха везде будут совершаться богослужения, всюду соберутся маленькие Соборы, будут совершаться крестные ходы и отовсюду раздастся голос, который будет требовать от правительства одно и то же⁵⁰ (Е. Н. Трубецкой).

В целом можно сказать, что в начале дискуссии о высшем церковном управлении на Соборе по линии «соборность — соборное патриаршество» наметился определенный консенсус, нашедший выражение в так называемой «формуле перехода»⁵¹, разработанной Отделом о высшем церковном управлении. Об этом же свидетельствует характерная для светской профессуры готовность вести диалог по самым сложным вопросам, в том числе и по вопросу о патриаршестве. Однако по мере развития политических событий в стране, особенно с приходом к власти большевиков, тема «вождя в церкви», становится доминирующей. Поэтому не столько факт избрания патриарха (5 (18) ноября 1917 г.), сколько связь этих выборов с политикой, определяющей значение и функции данного института⁵², формировала линии напряжения, по которым могли развиваться внутрицерковные противоречия, а также конфликты в сфере взаимоотношений с государственной властью.

⁴⁹ Деяния... Т. 3. С. 29–30.

⁵⁰ Деяния... С. 309.

⁵¹ См.: Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви. Вып. 1–4. М., 1994. С. 3.

⁵² Архиепископ Кишиневский Анастасий (Грибановский), дискутируя на тему о правах и обязанностях патриарха, в своем выступлении, указал: «В какой форме будет выработано положение о правах и обязанностях патриарха, это будет зависеть от новых требований жизни, нашей государственности, наших церковно-государственных отношений, *которых предрешишь мы не можем.* ...Церковь становится воинствующей и должна защищаться не только от врагов, но и от лжебратьев» (Деяния... Т. 2. С. 257–258).

В) От идеи первенствующего положения православной церкви в России до противостояния и гонений

Исторически сложилось так, что теократический идеал русского православия был вынужден «тлеть» в условиях господства так называемого «константиновского наследия» — отсутствия четкого разделения между церковью и государством, которое предоставляло церкви защиту и покровительство, но в качестве платы забирало у нее свободу во внутренних и внешних делах. Со временем это привело к выработке двух основных исторических форм государственно-церковных отношений: искомой и чаятельной — симфонии; победившей и реализовавшейся — самодержавия, в которой церковь, вопреки своему теократическому видению царской власти, очень быстро стала бюрократизированным государственным институтом — «ведомством православного исповедания». И в этом нет ничего удивительного — это был закономерный итог обоюдного стремления к снятию противопоставления «богова» и «кесарева», внешним выражением которого стали устойчивые идиомы церковного сознания, в котором сочетались теократизм и сервиллизм, жажда свободы от государства и желание сохранить государственную поддержку. Поэтому тема церковно-государственных отношений не случайно была главной двигательной силой предсоборного процесса и должна была стать центральной темой на самом Соборе. В новых беспрецедентных условиях «свободы» нахождение новой формулы государственно-церковных отношений свидетельствовало бы о самоопределении церкви и ее большом шаге в сторону политической независимости от государства, либо, напротив, о ее возвращении на «исторические колеи». Это были своего рода «момент истины», историческое перепутье, задача номер один, от решения которой зависело внутреннее самоощущение церкви, будущий характер внутрицерковной жизни и внутрицерковного строительства.

Открыл эту дискуссию 13 (26) ноября 1917 г. доклад составленная по поручению VI отдела С. Н. Булгаковым декларация «Об отношении церкви к государству», которая предлагала «новые» принципы взаимоотношений Русской церкви с государством.

1. В церкви должен произойти религиозный переворот — переосмысление социально-этического учения церкви.

Вопрос об отношении Церкви к Государству имеет две стороны. Одна — религиозно-вероучительная, догматическая: это те общие положения о природе Церкви, из коих мы исходили при наших работах; другая сторона — практическая, политическая, в известном отношении даже оппортунистическая, в которой Церковь делает попытку в текущих явлениях жизни закрепить свое вечное содержание. Каковы же по существу отношения Церкви и Государства, как сама Церковь относится к государственности, и какое ее учение об этом? Вопрос этот имеет особо острый и болезненный характер не только потому, что смутно будущее нашей Церкви, что не устроена ее судьба, но и потому, что смутность и неясность овладела нашим сознанием. Мы пережили государственный переворот, который для населения был переворотом политическим (пало царское самодержавие). Для Государства он имел политическое значение, но для Церкви он имеет и религиозное значение... Для того чтобы перейти при нашем понимании к новому строю, нужен переворот и религиозный, необходимо религиозное понимание новых форм политического бытия⁵³.

2. Церковь свидетельствует и признает власть, вне зависимости от ее политических форм, если эта власть является христианским служением.

Нормальное взаимоотношение церкви и государства для церковного сознания связывалось и здесь не с той или иной политической формой и организацией власти, но с признанием велений христианской совести для области государственной. Посему и ныне, когда волею Провидения рушилось в России царское самодержавие, а на замену его идут новые государственные формы, православная церковь не имеет суждения об этих формах со стороны их политической целесообразности, но она неизменно стоит на таком понимании власти, по которому всякая власть должна быть христианским служением. Перед лицом церкви может оказаться оправданной всякая политическая форма, если только она исполнена христианским духом или, по меньшей мере, этого ищет. И наоборот, противление

⁵³ Деяния... С. 7–8.

этому духу всякую государственную организацию превращает в царство «зверя», изображенное у Тайновидца, делает ее игрой себялюбия, личного или классового. <...> На основании сказанного и новая власть в России явится правой пред лицом церкви лишь в той мере, насколько она будет воодушевлена ревностью действовать по духу Христову, отменяя дух самовластия и прелесть человекобожия⁵⁴.

3. Государственная жизнь должна быть согласована с духом православной церкви и находиться под наивозможно большим ее влиянием.

Церковь по внутреннему закону своего бытия не может отказаться от призвания просветлять, преображать всю жизнь человечества, пронизывать ее своими лучами. В частности, и государственность она ищет исполнять своим духом, претворять ее по своему образу. Посему при определении внутреннего отношения между церковью и государством, руководящим началом для христианской совести является не взаимное отчуждение и расхождение обеих стихий, но напротив, их наибольшее сближение чрез внутреннее влияние церковной стихии в области государственной, в каких бы внешних формах это не выражалось... Православная церковь считает себя призванной к господству в сердцах русского народа и желает, чтобы это выразилось и при государственном его самоопределении. Ее высокому достоинству не соответствуют меры внешнего принуждения⁵⁵.

Таким образом, «представленная С. Н. Булгаковым декларация «Об отношении церкви к государству» является не чем иным, как манифестом «свободной теократии» — «внутреннего объединения государства и церкви в общем организме царства Божия». Это проект христианского государства, в котором вся общественно-политическая жизнь будет согласована с духом христианской веры и с христианским характером народа, в котором служение царству Божию, под руководством церкви, является высшей целью государственной власти⁵⁶.

⁵⁴ Деяния... С. 14, 15.

⁵⁵ Деяния... С. 14, 15.

⁵⁶ Головушкин Д. А. Коррелятивность мистического и рационального. Разработка модели взаимоотношений церкви и государства на Поместном соборе 1917–1918 гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 7 // URL: https://author.nbpublish.com/fr/article_25982.html (дата обращения: 27.10.2021).

Князь Е. Н. Трубецкой обрामил эту мысль С. Н. Булгакова словами: «Церковь господствует не по закону, а по благодати»⁵⁷.

Однако обсуждение Декларации на Соборе не состоялось, голосования не было, и документ соборной санкции не получил. Зато 2 (15) декабря 1917 г. было принято известное определение «О правовом положении Православной Российской церкви», согласно которому она получала первенствующее публично-правовое положение в правовом государстве и одновременно становилась независимой от государственной власти⁵⁸.

Данный документ, названный А. В. Карташевым «положением об отдалении»⁵⁹, при первом прочтении может вызвать недоумение: как, почему и каким образом Православная церковь за три месяца до захвата власти большевиками надеялась получить положение самой влиятельной и привилегированной религиозной организации в России? В поисках ответа на этот вопрос А. В. Карташев обращает внимание на исторический контекст его появления, подчеркивая, что «этот идеал не был односторонним мечтательством церковно-общественной среды. Ему навстречу шло и текущее законодательство других полномочных органов Временного Правительства, проводивших в жизнь ту же идеологию»⁶⁰.

Действительно, Русская православная церковь, не имея опыта самостоятельного существования в государстве, в первую очередь, ориентировалась на религиозную политику нового государства.

Самоопределение «О правовом положении Православной Российской церкви» представляло собой законопроект для обсуждения на Учредительном собрании, который выражал

⁵⁷ Цит. по: Ковырзин К. В. Поместный собор 1917–1918 гг. и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. 2008. № 4. С. 93.

⁵⁸ См.: Собрание определений и постановлений Священного Собора... М., 1994. Вып. 2. С. 6–8.

⁵⁹ Карташев А. В. Временное правительство и Русская Церковь // Православная энциклопедия «Азбука веры» // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vremennoe-pravitelstvo-i-russkaja-tserkov/ (дата обращения: 27.10.2021).

⁶⁰ Карташев А. В. Временное правительство и Русская Церковь... // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Anton_Kartashev/vremennoe-pravitelstvo-i-russkaja-tserkov/ (дата обращения: 27.10.2021).

надежды церкви на возможность в новых политических условиях оказывать определенное влияние на светскую власть, играть ключевую роль в духовной жизни страны. Это был очень важный психологический момент, в котором сошлись жажда внутренней и внешней свободы церкви, возрождение религиозно-политических идеалов, «соблазн теократии» и т. д. Однако в нем таилась и серьезная опасность. Вхождение церкви в «политическую практику» происходило на фоне отсутствия конкретной социально-политической платформы — церковь действовала вслед за политикой, вопреки необходимости развивать собственное социально-этическое учение.

Как известно, сразу же вслед за событиями 27 октября – 2 ноября 1917 г. в Москве Собор выпустил послание против революции⁶¹, а 19 января 1918 г., за день до открытия второй сессии Собора, было оглашено, а впоследствии и напечатано послание патриарха Тихона, анафематствующее большевиков и заклинающее всех «верных чад Православной церкви Христовой не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение»⁶².

По мнению М. И. Одинцова, эти заявления, воспринимаемые священнослужителями и верующими в качестве «общецерковной политической позиции», «неизбежно обрекали Церковь на противостояние с государством»⁶³. Однако в действительности за ними не было какой-либо богословской концепции о праве церкви на оказание сопротивления властям. Поэтому по мере развертывания и усиления антирелигиозной политики в стране, особенно после принятия «Постановления народного комиссариата юстиции о порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (Инструкция НКЮ от 24 августа 1918 г.) среди участников Собора наметилась тенденция к прекращению открытого противостояния и выполнению

⁶¹ См.: Деяния... Т. 3. С. 186.

⁶² Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Книга 1. М., 1995. С. 111, 112.

⁶³ Одинцов М. И. Всероссийский Поместный собор 1917–1918 гг.: Споры о церковных реформах, основные решения, взаимоотношения с властью // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 127, 129.

некоторых положений правительственных постановлений⁶⁴. В дальнейшем, когда победа большевиков перестала вызывать сомнения, высшее церковное руководство заявило о своем нейтралитете в гражданской войне⁶⁵ и фактически признало основные законодательные документы советской власти⁶⁶.

Во всей этой динамике соборной позиции по отношению к государству выявились две очень важные тенденции и черты постреволюционной церковности:

Во-первых, проявилась не просто ситуативность действий, а внутренняя зависимость церкви от религиозной политики государства. Не случайно Д. В. Поспеловский во введении к своей работе «Русская православная церковь в XX веке» заключал: «Каждый раз Церковь отождествляется с рухнувшей политической системой и ей приходится перестраиваться в соответствии с целями и настроениями новой власти, доказывать свою лояльность. И все начинается сначала»⁶⁷.

Во-вторых, отсутствие собственной независимой социальной доктрины / социально-этического учения в меняющихся исторических условиях заставляло спешно искать им альтернативу, которая была найдена в лице патриарха. Показательно в этом плане выступление на 67 заседании Собора (22 января 1918 г.) протоиерея А. П. Рождественского, который подчеркнул: «Священный Собор Православной Российской Церкви с любовью приветствует послание святейшего Патриарха

⁶⁴ См.: Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви. Вып. 1–4. М., 1994; Вып. 4. С. 28–30.

⁶⁵ См.: Послание Святейшего Патриарха Тихона к духовенству Русской Церкви с призывом о невмешательстве в политическую борьбу (08.10.1919) // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Книга 1. М., 1995. С. 136–137.

⁶⁶ В связи с этим заслуживают внимания слова одного из участников — слушателей IV подотдела Отдела по церковной дисциплине, который предупредил: «Можно ожидать, что нам придется пережить еще пять-шесть [государственных] переворотов. Теперешняя власть решительно порвала всякую связь с церковью; но возможно появление другой — притом более сомнительного достоинства власти, которая пожелает восстановить союз государства с церковью». (Цит. по: Бабкин М. А. Поместный собор 1917–1918 гг.: Вопрос о совести православной паствы // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 58).

⁶⁷ Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 18.

Тихона, карающее злых лиходеёв и обличающее врагов Церкви Христовой. С высоты патриаршего престола прогремело слово прощения и подъят меч духовный против тех, кто совершает непрерывное надругательство над святынями веры и совести народной. Священный Собор свидетельствует, что он пребывает в полнейшем единении с отцом и молитвенником Церкви Российской, внемлет его призыву и готов жертвенно исповедовать веру Христову против ее хулителей»⁶⁸.

О сообразной замене социально-этического учения патриархом свидетельствуют также выводы протопресвитера И. Ф. Мейндорфа: «Она (церковь. — Д. Г.) подготовила и осуществила свою внутреннюю реформу, но отношение ее к различным фазам русской Революции определялось ad hoc сознанием ее руководителей и, в особенности, ее предстоятелем, патриархом Тихоном»⁶⁹.

Таким образом, Поместный собор 1917–1918 гг., к сожалению, не разрешил один из главных вопросов церковной реформы — вопроса, с которого началось движение за религиозное обновление, — не выработал новой формулы государственно-церковных отношений и соответствующей для нее богословской платформы. В свою очередь это давало основания (особенно в условиях гонений) для продолжения поисков «устойчивых» форм взаимоотношений церкви с государством и соответствующих богословских оснований для этих взаимоотношений.

В) Самосознание Поместного собора и его рецепция обществом.

Поместный собор виделся его участниками не просто как орган высшего управления Православной российской церкви, осуществляющий церковную реформу, а как представитель всего русского народа, несущего ответственность за судьбы страны в условиях революции. В частности, в своей приветственной речи Собору митрополит Московский и Коломенский Тихон (Белавин), подчеркнул:

⁶⁸ Деяния... Т. 6. С. 36.

⁶⁹ Цит. по: Дестивель И., священник. Поместный собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. М., 2008. С. 272.

...Мы уповаем, что с созывом Церковного Собора обновится вся жизнь нашей Церкви, Собор вызовет прилив народной веры и религиозных чаяний. Верующая Москва ожидает от Собора содействия в устройстве государственной жизни. Всем ведомо, что Москва и ее Святыни в прошлые годы деятельно участвовали в созидании Русской Державы. Ныне Родина наша находится в разрухе и опасности, почти на краю гибели. <...> Миллионное население Русской земли уповает, что Церковный Собор не останется безучастным к тому тяжкому положению, какое переживает наша Родина⁷⁰.

Другими словами в сознании Собора / участников Собора изначально присутствовала убежденность, что он является именно той силой, той закваской, которая сможет консолидировать российское общество, оказывать заметное, если не решающее, влияние на политическую власть, армию и главное, народ в предстоящем национально-государственном строительстве. Не случайно по поводу тех или иных политических событий в России Собор неоднократно инициировал общесоборные и всенародные моления, Послания и даже переговоры с Советским правительством (март – апрель 1918 г.), выступая от лица «народной совести»⁷¹.

Какова же была реальная картина положения дел, каков был характер народных настроений в отношении «величайшей народной святыни, исключительной исторической и культурной ценности»?

Вопреки подобным заявлениям, участники Собора неоднократно обращали внимание на усиливающиеся в обществе антицерковные настроения, которые, по мнению соборян, распространились «не со вчерашнего дня, не со времени прихода большевиков»⁷².

Показательно в этом плане выступление протоиерея А. М. Станиславского, вернувшегося из поездки (декабрь 1917 г.) в родной город Богодухов (Харьковская область, Украина):

⁷⁰ Деяния... Т. 1. С. 33.

⁷¹ См.: Депутация Собора у народных комиссаров // Церковные ведомости. 1918. № 7–8. С. 472–473.

⁷² Деяния... Т. 6. С. 40.

Из Харькова направляюсь домой, в Богодухов, еду в теплушке. Все время слышались разговоры по адресу духовенства в самых грубых выражениях. <...> Говорили, что всех нас нужно уничтожить, как врагов народа. ...Большевик — крестьянин и рабочий — крепко убежден в том, что если он убивает, то не делает греха. Вот в чем корень зла. И не только никакого сдвига я не заметил, напротив: я видел расцвет большевизма⁷³.

К сожалению, не случайно известный русский историк С. Ф. Платонов, уже в самом начале работы Собора усомнился в его единении с народом. В своем письме к графу С. Д. Шереметеву от 21 августа 1917 г. он писал:

Народную бурю надобно выдерживать, как выдерживают здоровые листья на крепком стебле. Я стараюсь тем сильнее питать в душе старую «веру», чем острее отчаяние от действительности. Одно только изменяется: совсем исчезает доверие к будущему нашей церковности. Что может быть безотраднее впечатлений от безжизненности и фальшивости пресловутого «поместного собора»?!⁷⁴

Скепсисом наполнена и дневниковая запись от 22 января 1918 г. З. Г. Гипшиус:

Вчера же были грандиозные крестные ходы. «Анафему» читали у Казанского собора. У нас, поблизости, два проезжающие матроса стрельнули-таки в крестный ход. Большевики не верят, что серость всколыхнулась серьезно (черт знает, может, они правы, может быть, и тут серость быстро «сдаст»). Сегодня хватили декрет о мгновенном лишении церкви всех прав, даже юридических, обычных. Церкви, вероятно, закроются. Вот путь для Тихона сделаться новым Гермогеном. Но ничего не будет. О, нет людей! Это самое важное, самое страшное. А «народ»... Погромы, убийства и грабежи...⁷⁵.

Однако видная представительница культуры Серебряного века, тем не менее, предусмотрительно оговорилась:

⁷³ Деяния... С. 15.

⁷⁴ Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: В 2 т. / Отв. ред. С. О. Шмидт. Том I: Письма С. Ф. Платонова, 1883–1930 / Сост. В. Г. Бухерт. М., 2003. С. 230.

⁷⁵ Гипшиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 9. Дневники: 1919–1941. Из публицистики 1907–1917 гг. Воспоминания современников / Сост. Т. Ф. Прокопова. М., 2005. С. 383–384.

«Я подожду с выводами»⁷⁶. И она оказалась права. Начало 1920-х гг. ознаменовалось значительным ростом различных церковных общин и групп, а главное, активизацией мирян и приходской жизни. Но здесь, как уже отмечалось выше и на чем акцентирует свое внимание профессор истории Брандейского университета Г. Л. Фриз, главную роль сыграли не соборные решения, а антирелигиозная политика советского государства:

Религиозный подъем 1920-х годов был следствием, прежде всего, большевистской антирелигиозной политики, которая состояла по существу в «обмирщении» (*laicization*) Церкви: ликвидация церковных институтов и репрессии против духовенства привели к усилению (*empowerment*) мирян и их доминированию в Церкви. Иными словами, советская антирелигиозная политика способствовала переходу власти от Церкви (с большой буквы) к церкви (с маленькой буквы, т.е. — к приходу)⁷⁷.

И уже тогда решения Собора стали оказывать значительное влияние на жизнь православной церкви в советской России. Был преодолён, о чем чаял А. В. Карташев, «дурной клерикальный теократизм средневекового Рима», чуждый «инстинктам нашей восточной церкви», сформировался «народ церковный»⁷⁸.

В целом, если говорить о результатах деятельности и значении для дальнейшей жизни Русской православной церкви в советской России Поместного собора 1917–1918 гг., можно отметить, что это был одновременно успех и неудача, радость и горечь для Русской церкви. Успех, поскольку церковь на Соборе и через Собор обрела каноническую свободу, встала на путь внутреннего и внешнего обновления, опробовала свой

⁷⁶ Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 9. Дневники: 1919–1941. Из публицистики 1907–1917 гг. Воспоминания современников... С. 383.

⁷⁷ Фриз Г. «Вся власть приходам»: возрождение православия в 1920-е гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 3–4. С. 88, 94.

⁷⁸ Карташев А. Церковь как фактор социального оздоровления России // Карташев А. В. Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. М., 1996. С. 246, 247. Социальную и культурную миссию церкви А. В. Карташев видел как долг и задачу преимущественно мирянского звания: «Выполнение плана христианизации общенациональной жизни есть специальное призвание не священства, не служителей алтаря и наших молитвенников, а нас — мирян.

голос в общественной жизни после длительного молчания. Поражение, поскольку Собор в силу внешних обстоятельств не смог реализовать свой потенциал. В зависимости от политической обстановки он действовал ситуативно, а не согласно православному учению о церкви. Он не разрешил целый ряд принципиальных вопросов, особенно в сфере взаимоотношений церкви и государства, не выработал столь необходимой богословской платформы, позволяющей выстраивать независимую церковную политику. Будучи сам изначально расколотым, Собор не смог преодолеть многих внутренних разногласий в церкви (особенно между белым и черным духовенством), не говоря уже о расколе самого общества. Он выявил глубокие и труднопреодолимые «исторические колеи» русского православия, его «зоны обеспокоенности», в которых могли вырастать внутрицерковные конфликты и расколы. Как справедливо отмечал журнал «Голос церкви»: «На Соборе встретилось печальное настоящее с неведомым будущим»⁷⁹.

Список источников и литературы

Бабкин М. А. Поместный собор 1917–1918 гг.: вопрос о совести православной паствы // Вопросы истории. 2010. № 4. С. 52–61.

Беглов А. Всероссийский церковный собор 1917–1918 гг. как явление соборной практики Церкви // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 379–403.

Беглов А. Л. От соборного определения к Декрету СНК. К вопросу о генезисе церковно-государственных отношений советского периода // Альфа и Омега. 2007. № 1 (48). С. 146–170.

Белякова Е. В. «Симфония властей» или «свободная церковь в правовом государстве»: русские дискуссии начала XX века // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2013. № 7(23). С. 6–18.

Белякова Е. В. Старообрядческий вопрос на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // Старообрядчество в России (XVII–XX века). Вып. 4. М., 2010. С. 145–158.

Белякова Н. Поместный Собор Российской православной церкви 1917–1918 гг.: опыт изучения в России и за рубежом // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 1. С. 379–403.

Воронцова И. В. Движение за церковную реформу в России начала XX в. и Поместный Собор 1917–1918 гг. (К столетию Поместного

⁷⁹ При новых условиях бытия // Голос церкви. 1918. № 1. С. 28.

ВЫПУСК X

собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг.) // Исторический журнал: Научные исследования. 2017. № 4. С. 105–120.

Голоушкин Д. А. Коррелятивность мистического и рационального. Разработка модели взаимоотношений церкви и государства на Поместном соборе 1917–1918 гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 7. С. 120–129.

Дестивель И. Поместный собор Российской Православной Церкви 1917–1918 гг. и принцип соборности. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2008. — 312 с.

Епископ Воскресенский Савва (Михеев). Непрерывность соборности: Поместный Собор 1917–1918 гг. в истории и современной жизни Русской Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4114584.html> (дата обращения: 27.10.2021).

Карташев А. В. Революция и Собор 1917–18 гг. (наброски для истории Русской Церкви наших дней) // Альфа и Омега. 1995. № 3(6) // URL: <http://www.pravmir.ru/revolyuciya-i-sobor-1917-18-gg/> (дата обращения: 27.10.2021).

Кашеваров А. Н. Разработка на Поместном соборе 1917–1918 гг. Официальной позиции Православной церкви в отношении Советской власти и ее религиозной политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2007. № 2. С. 48–60.

Ковырзин К. В. Поместный собор 1917–1918 гг. и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. 2008. № 4. С. 88–97.

Кривошеева Н. А. Реакция Поместного Собора 1917–1918 гг. на происходившие в стране события // XXII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2012. Т. 2. С. 87–99.

Кривошеева Н. А. Отношение Священного Собора 1917–1918 гг. к внутрицерковным нестроениям // XXI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. Т. 1. С. 279–283.

Кривошеева Н. А. Поместный Собор 1917–1918 гг. глазами участников // Материалы Международной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрание Патриарха Тихона». 2008. С. 170–177.

Одинцов М. И. Всероссийский Поместный собор 1917–1918 гг.: споры о церковных реформах, основные решения, взаимоотношения с властью // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 121–138.

Поспеловский Д. На пути к соборности // Континент. 2004. № 121// URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2004/121/po10-pr.html> (дата обращения: 27.10.2021).

Фирсов С. Л. На изломе. Русская революция и Великий Московский Собор 1917–1918 гг. // Звезда. 1917. № 4 // URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2977> (дата обращения: 27.10.2021).

Шкаровский М. В. Влияние Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. в советскую эпоху // Яков Кротов. Богочеловеческая история // URL: <http://yakov.works/history/20/1910/1917shkarovsk.htm> (дата обращения: 27.10.2021).

Шульц Г. 1914–1918 гг. как поворотный пункт в церковной истории России // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 101–120.

Щелкачев А. Поместный Собор 1917–1918 гг. и единство церкви // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2011. Т. 1. С. 276–278.

REFERENCES

Babkin M. A. (2010) Pomestnyy sobor 1917–1918 gg.: Vopros o sovesti pravoslavnoy pastvy [The local council of 1917–1918: the question of the conscience of the Orthodox flock], *Voprosy istorii*, n. 4, pp. 52–61. (in Russian)

Beglov A. (2016) Vserossiyskiy tserkovnyy sobor 1917–1918 gg. kak yavlenie sobornoy praktiki Tserkvi [All-Russian Church Council 1917–1918. as a phenomenon of the conciliar practice of the Church], *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, n. 1, pp. 379–403. (in Russian)

Beglov A. L. (2007) Ot sobornogo opredeleniya k Dekretu SNK. K voprosu o genezise tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniy sovetskogo perioda [From the Council's definition to the Decree of the Council of People's Commissars. To the question of the genesis of church-state relations in the Soviet period], *Al'fa i Omega*, n. 1 (48), pp. 146–170. (in Russian)

Belyakova E. V. (2013) «Simfoniya vlastey» ili «svobodnaya tserkov' v pravovom gosudarstve»: russkie diskussii nachala XX veka [«A Symphony of Authorities» or «A Free Church in a State of Law»: Russian Discussions at the Beginning of the 20th century], *Istoriya. Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal*, n. 7(23), pp. 6–18. (in Russian)

Belyakova E. V. (2010) Staroobryadcheskiy vopros na Pomestnom Sobore 1917–1918 gg. [The Old Believer Question at the Local Council of 1917–1918], *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX veka)*, Moscow, vol. 4, pp. 145–158. (in Russian)

Belyakova N. (2016) Pomestnyy Sobor Rossiyskoy pravoslavnoy tserkvi 1917–1918 gg.: Opyt izucheniya v Rossii i za rubezhom [Local Council

of the Russian Orthodox Church in 1917–1918: the experience of studying in Russia and abroad], *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, n. 1, pp. 379–403. (in Russian)

Vorontsova I. V. (2017) Dvizhenie za tserkovnuyu reformu v Rossii nachala KhKh v. i Pomestnyy Sobor 1917–1918 gg. (K stoletiyu Pomestnogo sobora Pravoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi 1917–1918 gg.) [Movement for Church Reform in Russia at the Beginning of the 20th century. and the Local Council of 1917–1918. (To the centenary of the Local Council of the Orthodox Russian Church in 1917–1918)], *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*, n. 4, pp. 105–120. (in Russian)

Golovushkin D. A. (2018) Korrelyativnost' misticheskogo i ratsional'nogo. Razrabotka modeli vzaimootnosheniy tserkvi i gosudarstva na Pomestnom sobore 1917–1918 gg. [Correlativity of the mystical and the rational. Development of a model of relations between church and state at the Local Council of 1917–1918], *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, n. 7, pp. 120–129. (in Russian)

Destivel' I. (2008) *Pomestnyy sobor Rossiyskoy Pravoslavnoy Tserkvi 1917–1918 gg. i printsip sobornosti* [Local Council of the Russian Orthodox Church in 1917–1918 and the principle of conciliarity], Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya, 312 p. (in Russian)

Episkop Voskresenskiy Savva (Mikheev) (2017) Nepreryvnost' sobornosti: Pomestnyy Sobor 1917–1918 gg. v istorii i sovremennoy zhizni Russkoy Tserkvi [Conciliarity Continuity: Local Council 1917–1918 in the history and modern life of the Russian Church], *Ofitsial'nyy sayt Moskovskogo Patriarkhata*, URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4114584.html> (27.10.2021). (in Russian)

Kartashev A. V. (1995) *Revolyutsiya i Sobor 1917–18 gg.* (nabroski dlya istorii Russkoy Tserkvi nashikh dney) [Revolution and the Council of 1917–18. (outline for the history of the Russian Church of our days)], *Al'fa i Omega*, n. 3(6), URL: <http://www.pravmir.ru/revolyuciya-i-sobor-1917-18-gg/> (27.10.2021). (in Russian)

Kashevarov A. N. (2007) Razrabotka na Pomestnom sobore 1917–1918 gg. Ofitsial'noy pozitsii Pravoslavnoy tserkvi v otnoshenii Sovetskoy vlasti i ee religioznoy politiki [Development at the Local Council of 1917–1918. The official position of the Orthodox Church in relation to Soviet power and its religious policy], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2. Istoriya*, n. 2, pp. 48–60. (in Russian)

Kovyrzin K. V. (2008) Pomestnyy sobor 1917–1918 gg. i poiski printsipov tserkovno-gosudarstvennykh otnosheniy posle Fevral'skoy revolyutsii [Local Cathedral 1917–1918 and the search for the principles of church-state relations after the February Revolution], *Otechestvennaya istoriya*, n. 4, pp. 88–97. (in Russian)

Krivosheeva N. A. (2012) Reaktsiya Pomestnogo Sobora 1917–1918 gg. na proiskhodivshie v strane sobytiya [The reaction of the Local Council

of 1917–1918. on the events taking place in the country], *XXII Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, vol. 2, pp. 87–99. (in Russian)

Krivosheeva N. A. (2011) Otnoshenie Svyashchennogo Sobora 1917–1918 gg. k vnutritserkovnym nestroeniyam [Attitude of the Holy Council in 1917–1918. to intra-church disorders], *XXI Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, vol. 1. pp. 279–283. (in Russian)

Krivosheeva N. A. (2008) Pomestnyy Sobor 1917–1918 gg. glazami uchastnikov [Local Council 1917–1918 through the eyes of the participants], *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «1917-y: Tserkov' i sud'by Rossii. K 90-letiyu Pomestnogo Sobora i izbranie Patriarkha Tikhona»*, pp. 170–177. (in Russian)

Odintsov M. I. (2001) Vserossiyskiy Pomestnyy sobor 1917–1918 gg.: spory o tserkovnykh reformakh, osnovnye resheniya, vzaimootnosheniya s vlast'yu [All-Russian Local Council of 1917–1918: disputes about church reforms, main decisions, relationships with authorities], *Tserkovno-istoricheskiy vestnik*, n. 8, pp. 121–138. (in Russian)

Pospelovskiy D. (2004) Na puti k sobornosti [On the way to catholicity], *Kontinent*, n. 121, URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2004/121/po10-pr.html> (27.10.2021). (in Russian)

Firsov S. L. (1917) Na izlome. Russkaya revolyutsiya i Velikiy Moskovskiy Sobor 1917–1918 gg. [At the break. The Russian Revolution and the Great Moscow Council of 1917–1918], *Zvezda*, n. 4, URL: <https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=2977> (27.10.2021). (in Russian)

Shkarovskiy M. V. (2021) Vliyanie Vserossiyskogo Pomestnogo Sobora 1917–1918 gg. v sovetskuyu epokhu [Influence of the All-Russian Local Council of 1917–1918. in the Soviet era], *Yakov Krotov. Bogochelovecheskaya istoriya*, URL: <http://yakov.works/history/20/1910/1917shkarovsk.htm> (27.10.2021). (in Russian)

Shul'ts G. (2001) 1914–1918 gg. kak povorotnyy punkt v tserkovnoy istorii Rossii, *Tserkovno-istoricheskiy vestnik* [1914–1918 as a turning point in the church history of Russia], n. 8, pp. 101–120. (in Russian)

Shchelkachev A. (2011) Pomestnyy Sobor 1917–1918 gg. i edinstvo tserkvi [Local Council 1917–1918 and the Unity of the Church], *Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, Moscow, vol. 1, pp. 276–278. (in Russian)